

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 330.33.01/111.1(100)

В. Ф. ОНИЩЕНКО,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой международного менеджмента и маркетинга
Украинского государственного университета финансов и международной торговли
(Киев)*

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА *

Обосновано, что экономический кризис представляет собой природное явление бытия человечества и его экономической деятельности. Рассмотрены некоторые теоретические аспекты неопределенности экономических процессов, в том числе и кризиса. Позиция автора заключается в том, что кризис является порождением неопределенности человеческих интенций и отношений между людьми по поводу их реализации, что, в свою очередь, порождает новую неопределенность и новые интенции. Автор доказывает, что избежать кризисов в любом обществе невозможно.

Ключевые слова: экономический кризис, неопределенность, бытие, экономическая деятельность, социальная психология, иррациональность, общественное доверие, справедливость.

V. F. ONISHCHENKO,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Chair of International Management and Marketing,
Ukrainian State University of Finance and International Trade
(Kiev)*

ONTOLOGICAL CONTEXT OF THE ECONOMIC CRISIS

It is proved that the economic crisis is a natural phenomenon of the human being and the human economic activity. Some theoretical aspects of the uncertainty of economic processes including crises are examined. The author insists on that the crisis is a result of the uncertainty of the human intentions and relations between people concerning their realization, which, in turn, causes a new uncertainty and new intentions. The author proves that to prevent crises in any society is impossible.

Keywords: economic crises, uncertainty, being, economic activity, social psychology, irrationality, public confidence, justice.

Книга П. Кругмана [1], по моему мнению, поднимает проблемы широкого плана — в частности, теоретических аспектов понимания природы экономического кризиса и путей выхода из него, о чем свидетельствуют публикации участников дискуссии (В. Гейца, А. Гриценко, М. Зверякова, П. Ещенко, В. Тарасевичи).

Онищенко Владимир Филиппович (Onishchenko Vladimir Filippovich) — e-mail: onishchenko46@rambler.ru.

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начало которой положили академик НАН Украины В.М. Гец и член-корреспондент НАН Украины А.А. Гриценко статьей "Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным)" // Экономика Украины. — 2013. — № 6. — С. 4–19.

ча, Гж.В. Колодко, А. Гальчинского и других). Замечу, что последний кризис значительно укрепил позиции неокейнсианства, сторонников государственного капитализма, разных моделей дирижизма и патернализма, усилилась критика либерализма и его новейших концепций. С этих позиций активно критикуется процесс глобализации, что свидетельствует о поиске мировыми элитами новой модели экономического и политического устройства мира. Но чем больше мы углубляемся в экономику, тем больше мы понимаем ее глубину, неоднозначность и относительность наших знаний, представлений, моделей и теорий.

По определению Л. Роббинса, экономическая деятельность человека — это “человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами их достижения, которые могут иметь разное приложение” [2, с. 18]. Ключевые слова этого определения — *человеческое поведение, цели и ограниченные средства их достижения*. Именно здесь необходимо искать онтологическую природу кризиса. Кризис — проявление экономической деятельности человека, поэтому человек — его главный генератор. Люди конкурируют за ограниченные ресурсы, чтобы реализовать собственные интересы, соотношение которых определяет уровень ограниченности средств для их воплощения, который, в свою очередь, определяет уровень и характер конкуренции и поведение акторов экономических отношений. Иначе говоря, природа экономики определяется потребностями (интересами) людей, которые трансформируются в цели экономической деятельности — конкретизированные потребности, реализовать которые можно, обменяв деньги на желаемый товар. В рыночной экономике главным ресурсом являются деньги. Поэтому борьба идет за деньги. Борьба персонифицированных денег (достатка и потребностей) на рынках — это борьба целей. Жизнь денег (работа денег) опосредуется разными финансовыми институтами (банками, инвестиционными фондами, фондовыми биржами и т. п.). Погоня за богатством и страх его лишиться проявляются в разрастании разнообразных механизмов управления рисками, страхования, деривативов, изолированных схем валютно-финансовых и биржевых спекуляций, стратегий, которые возмущают финансовые и товарные рынки, что, в свою очередь, требует еще более утонченных форм страхования, новых деривативов и т. п. Известно, что чем сложнее система, тем она менее устойчива. Из состояния равновесия ее может вывести любая случайность, даже, казалось бы, незначительная. Как следствие, мировая экономика постоянно находится в балансирующем состоянии, в кризисном стрессе. Именно на финансовых рынках определяется человеческое поведение в борьбе за самое желаемое средство реализации собственных целей — деньги. Н. Фергюсон удачно заметил, что в фондовом рынке, как в зеркале, отражается душа человечества [3, с. 137]. Ради реализации эгоистичных целей люди проявляют все свои добродетели — талант, трудолюбие, целеустремленность, доверие, но и, к сожалению, не лучшие стороны — жадность, коварство, недоверие, зависть, страх. Напомним, что двигало людьми в голландском “тюльпановом кризисе” (начало XVII в.) или участниками аферы Дж. Ло “Миссисипская компания” во Франции (начало XVIII в.) — жадность и неоправданное доверие, которые привели и к сегодняшнему кризису. В этом контексте следует вспомнить труд Дж. Акерлофа и Р. Шиллера, которые считают, что природа кризиса кроется в человеческом поведении [4]. Это люди, исходя из собственных целей, провоцируют дестабилизацию, и некоторые из них зарабатывают на этом деньги и пытаются воплотить собственную модель мироустройства.

Подчеркну, что человеческие добродетели и изъяны — это не продукт рынка. По меткому высказыванию М. Тэтчер, капитализм отражает порочную человеческую природу, но сам по себе он не является порочным [5, с. 466]. Вообще любая экономическая система отображает природу (идеологию) тех людей, которые ее создали. Поскольку рынок возник спонтанно из человеческого бытия, то он отображает человеческую природу. Рынок отражает фундаментальную потребность человека в свободе и индивидуальности, он дает человеку свободу, чтобы он, как индивидуальность, мог утвердиться в обществе в соответствии с ценностями как общества в целом, так и собственными. Если на сегодня общество считает, что материальный достаток определяет социальный статус человека, то он будет пытаться его максимизировать.

Баланс между добродетелями и пороками человечества определяет состояние его экономической жизни. Именно они (добродетели и пороки в широком контексте) являются главными характеристиками того, что мы называем "человеческий капитал" и справедливо считаем основой нашего экономического развития во все времена. Когда в совокупном человеческом капитале под воздействием изменений в ценностях общества начинают превалировать зависть, жадность (избыточное иррациональное потребление, спекуляция, "маркетинговые пузыри" и пр.), недоверие, коварство (невыполнение контрактов, нечестная конкуренция и т. п.), наступает кризис. Кризис — катарсис: общество переосмысливает свои основы и возрождается в новом качестве. Появляются новые ценности, которые вызывают к жизни новый баланс "добра" и "зла". Прогресс — преобладание добра, регресс — преобладание зла. Именно борьба этих двух фундаментальных начал бытия человечества определяет направление его развития.

Сказанное не отрицает других причин экономических кризисов (технологических, институциональных, психологических и т. п.), но все они вторичны, ведь возникают и развиваются как формы проявления и реализации человеческого капитала — в дискурсе рыночной экономики и природы человека — в дискурсе его бытия.

Казалось бы, чтобы предотвратить кризисы, необходимо "совершенствовать" человеческую природу. Но, как показывает история, детерминантами эволюции человечества всегда были и будут относительные категории "добро" и "зло" и бесконечная борьба между ними. А это говорит о том, что человек никогда не станет идеальной, бесконфликтной личностью.

Человечество никогда не сможет согласовать свои цели и, соответственно, действия в дискурсе рыночной экономики (теорема Эрроу (Arrow's paradox); проблема "трагедия общего" — Г. Гардин, М. Олсон, П. Бурдые). Естественный расширенный порядок (рынок) создал свободного человека, индивидуума, наделенного главным, что определяет его индивидуальность, — частной собственностью (и в том числе интеллектуальной) и, естественно, частными интересами, добиваясь удовлетворения которых люди неминуемо будут приходить к конфликтам.

Безусловно, что рынок (капитализм) эволюционирует под воздействием изменений фундаментальных общественных ценностей. С точки зрения эволюции рынка, интересной мне представляется позиция А. Гальчинского относительно развития так называемых "конвергентных рынков", позиция, которая, по моему мнению (и в этом я соглашаюсь с автором), есть поводом для "принципиальной дискуссии, конструктивного диалога" [6, с. 6].

Что касается дискуссии, то возникает вопрос: на самом ли деле возможны такие рынки? В приближенном варианте они есть, но в стадии формирования находится, например, рынок ЕС. Но когда мы говорим о конвергентном рынке, как это понимает А. Гальчинский, то возникает ряд методологических проблем, главной среди которых является согласование интересов многочисленных субъектов экономических и социально-политических отношений.

Автор, например, считает, что "...конвергенция, как и конкуренция, является соревнованием; однако оно происходит не согласно логике "кто кого". Решающей здесь является взаимная заинтересованность не только в сохранении, но и в усилении значимости противоположного (в том числе и неизвестного) субъекта экономического взаимодействия, его самореализации как второго "Я". Если конкуренция ориентирована на успех, то конвергенция – на взаимное сближение. Экономическая система "выигрыш – проигрыш" трансформируется во взаимоотношения "выигрыш – выигрыш".

...В этом смысле конвергентная модель экономики приобретает признаки "синтеза центров", при котором сближающиеся и взаимодействующие субъекты экономического процесса не поглощают друг друга, не теряют свою оригинальность, а, самообогащаясь, остаются самими собой" [6, с. 8-9]. И далее: "...В системе экономического развития выделяется качественно новая трехзвенная взаимозависимость: **отношения конвергенции – доверие, формирующееся на ее основе, – социальный капитал.** Эта триада становится определяющим инновационным рычагом постматериального развития, наиболее адекватной его ценностям энергетической структурой, механизмом приумножения интеллектуального богатства, преодоления отчуждения человека. Новая парадигма экономических трансформаций формируется именно на этой основе" [6, с. 10]. Иначе говоря, автор имеет в виду синергический эффект; если перевести это на дискурс теории игр, то это напоминает игру с ненулевой суммой, или шире – приближение к равновесию по Нэшу. Опять-таки, обращаясь к теореме Эрроу и проблеме "трагедия общего", которые имеют фундаментальное значение для понимания общественных процессов, считаю, что конвергентный рынок – это идеал, а не реальность. Замечу, что процесс конвергенции имеет асимптотическую природу, то есть приближается к консенсусу, но достичь его никогда не сможет. Всегда будут флуктуационные возмущения, неустойчивость и нестабильность общественного доверия и общественных соглашений. Человеческой природе не присуща модель стойкого баланса целей и интересов.

А. Гальчинский считает, что "...преимущества конвергенции состоят в том, что она позволяет оставаться самим собой, чем и способствует реализации энергетического потенциала не только более сильных, но и каждого. ...Конкуренция – это прерогатива сильных, конвергенция – достояние всех" [6, с. 9]. Замечу, что автор несколько идеализирует конвергенцию, которая всегда проходит в интересах более сильного, более успешного. Конвергенция – это "мягкая" форма конкуренции. Поэтому конвергенция никогда не устранил естественных противоречий между субъектами рынка, как бы мы его не называли – конвергентный, классический и т. п. Более того, автор считает, что основными субъектами такого рынка будут творческие индивидуальности. Мне трудно представить, как "множество творческих личностей" может достичь консенсусных соглашений, «когда каждая личность, сохраняя свою уникальность, одновременно утверждает себя реальным "центром перспективы"» [6, с. 8].

Кризисы являются атрибутом рыночной экономики, следствием ее естественных противоречий. В этом контексте хочу привести тезис выдающегося социолога Р.К. Мертона, который заметил, что человек создан не для того, чтобы устранять естественные противоречия, а для того, чтобы жить с ними. Но человек, вместо того, чтобы жить с ними, пытается их устранить и делает ошибки.

Рынок, в его существующих атрибутах, не ошибается, — ошибаются или сознательно делают ошибки люди, преследующие собственные цели. Поэтому исправлять необходимо не рынок, а наши институты, чтобы они не противоречили существующей естественной логике рынка, а дополняли и развивали ее. Что я понимаю под "естественной логикой рынка"? Логику экономических взаимоотношений между людьми, которая отображает их естественные интенции. Современный экономический порядок возник из стремления человека к олицетворению себя как "индивидуальности", к свободе и *справедливости (но не равенству)*, достижение которых может быть осуществлено через индивидуализированную собственность. Почему я исключаю равенство? Вольтер отметил, что равенство — вещь естественная, но в то же время является химерой. Ясно, что когда есть свобода, нет равенства; если есть равенство, то нет свободы. Слова Вольтера можно отнести и к справедливости. Но все-таки в экономическом контексте ее возможно увязать с эффективностью деятельности и благополучием конкретного человека. Понятие "справедливость" является индивидуализированным, а поэтому каждый может его реализовать через индивидуализированную (частную) собственность. Известно высказывание Локка: там, где нет собственности, там нет справедливости. Если изменятся естественные интенции человека, если изменится онтологическая сущность понятий "добро", "зло", "индивидуальность", "свобода", "справедливость", то, безусловно, изменятся также логика экономических отношений и механизм их реализации. Кстати, в историческом контексте названные понятия изменяются; они имеют разное содержание и у разных народов. Иначе говоря, то, что мы сегодня называем "рынком", — понятие, относительное к нашим естественным интенциям и пониманию императивов нашего бытия и деятельности. Кризис является порождением неопределенности наших интенций и отношений между людьми по поводу их реализации, что, в свою очередь, порождает новую неопределенность и новые интенции и что влечет за собой неопределенность посткризисного будущего.

Можно согласиться, что "экономика — это хаотический, самоорганизующийся процесс, который лишь приближенно демонстрирует упорядоченность" [7, с. 86]. Если это "хаотический, самоорганизующийся процесс", то он неминуемо приходит в состояние турбулентности, которое можно определить как процесс рождения упорядоченности из хаоса (хаос я понимаю как "онтологическую неопределенность").

Турбулентный процесс — это когда в результате увеличения динамики эндогенных и экзогенных процессов, определяющих особенности функционирования системы, в ней спонтанно возникают многочисленные нелинейные возмущения, усиливающие неустойчивость системы, из-за чего она входит в бифуркационное состояние. Турбулентные процессы возможно интерпретировать как спонтанное возникновение процессов, формирующих новые пространственно-временные структуры в открытых нестационарных системах, которыми являются экономические системы (например, "внезапное" банкротство банков как след-

ствии непредвиденной паники среди вкладчиков, падение цен на фондовых биржах и т. п.). Для турбулентности характерно стремительное наращивание проблем, превышающее возможности их понимания и принятия решений относительно удержания системы в заданных параметрах.

Кризис – это состояние бифуркации, к которому экономика приходит через турбулентные процессы и в котором система готова перейти из одной системной определенности в неизвестные другие. Концом процесса бифуркации является объективизация выбора конкретной системной определенности. Причем такая объективизация может осуществляться эволюционным путем или волевым выбором. К чему приведет эволюционный путь, мы не можем знать, но можем надеяться, что природа не ошибется. Что же касается волевой объективизации, то хотя она находится под воздействием фундаментальной (онтологической) *неопределенности*, но формируется на основе исторического опыта, научных знаний и представлений о будущем.

Проблеме неопределенности экономических процессов посвящены многочисленные исследования – в первую очередь, Дж.М. Кейнса, Л. Мизеса, Ф. Хайека, Ф. Найта, Д. Норта и других. Что касается проблемы, рассматриваемой в данной статье, то отмечу интересную работу Ю. Ольсевича “Фундаментальная неопределенность рынка и концепция современного кризиса” [8].

Ю. Ольсевич, рассматривая природу кризиса, вводит понятие “фундаментальная неопределенность рынка”, под которым понимает “такое состояние знаний о рыночно-капиталистической системе, *которая не позволяет сделать конкретный вывод*, способна ли эта система на принципах саморегулирования обеспечить долговременный постоянный бескризисный рост, который допускает циклические колебания темпов роста” [8, с. 5]. Что касается “роста”, то капитализм в течение своего существования обеспечил колоссальный прогресс производительных сил и качества жизни при “циклических колебаниях темпов роста”, что и является конкретным выводом. Потому это не является “фундаментальной неопределенностью рынка”.

Далее Ю. Ольсевич уточняет это понятие как “отсутствие научно обоснованного ответа на вопрос: способна ли реально существующая рыночная система на принципах саморегулирования избежать глубоких и долговременных депрессий и обеспечить относительно стабильный (с “пологими” циклами) рост и высокую занятость” [8, с. 10]. На этот вопрос ответил Дж.М. Кейнс – *не способна*, потому нуждается во вмешательстве государства, так сказать, во внешнем дополнении. Но это вмешательство также не дает долговременного позитивного результата, а потому ответ однозначен.

Замечу, что “чистого” саморегулирования социально-экономических систем, как и “чистой” рыночной экономики, не существует, поскольку ее субъектами являются люди, которые руководствуются определенными субъективными представлениями и пытаются их воплотить. Поэтому рынок всегда функционировал в режиме ограниченной самоорганизации и саморегулирования. Следовательно, в данном контексте неопределенности как таковой нет, а потому понятие “фундаментальная неопределенность рынка” в трактовке автора не совсем корректно.

По моему мнению, если говорить о фундаментальной неопределенности рынка, то необходимо исходить из того, что: во-первых, онтологическое содер-

жание рынка нам до конца не известно и не может быть известно ввиду того, что он является продуктом нашего бытия; во-вторых, если мы принимаем позицию Ф. Хайека, что рынок как расширенный порядок сложился спонтанно [9, с. 15], то мы должны признать, что он также может спонтанно порождать недетерминированные структурные изменения в экономических и социальных отношениях, которые периодически нарушают существующие параметры институционализированной деятельности и вводят систему в турбулентное состояние, что и вызывает кризис. Кризис – это состояние экономической "погоды", которую мы можем предусмотреть только при появлении признаков турбулентности, то есть когда кризис начинается, потому мы не можем его предотвратить, но можем определенным образом его отложить во времени, подготовиться к нему с целью минимизации потерь (по аналогии с подготовкой к стихийному бедствию, но не с предотвращением его). Кризис – это проявление неопределенности нашего бытия в нашей деятельности. Это объективная фундаментальная реальность.

Иначе говоря, над человеком довлеет "проклятие неопределенности", но человек всегда вынужден принимать решение в условиях неопределенности (в том числе и *фундаментальной*). А любое решение является волевым (нормативным) актом, снимающим проблему неопределенности. Другого пути снятия неопределенности не существует. Будут ли эти решения рациональны с онтологических позиций, определить невозможно, поскольку они будут реализованы в будущем. Мы не можем знать будущего, наши знания сформированы на опыте прошлого. Об особенностях будущего мы можем говорить с определенной вероятностью, и чем дальше оно отстоит от нас, тем меньше вероятность того, что наши представления о нем исполнятся. Поэтому чем больше неопределенность, тем больше вариантов возможных решений актуальной проблемы необходимо предлагать, определять экспертным путем вероятность последствий каждого из них и принимать конкретное решение.

В таком контексте хочу обратить внимание на справедливое замечание Д. Норта: "Хотя неопределенность, которая пронизывает наше существование, может быть уменьшена при помощи наложенных нами структур, полностью устранить ее невозможно. Накладываемые нами ограничения сами имеют неясные последствия, что отображает как наше несовершенное понимание окружающей действительности, так и равно несовершенную природу формальных правил и неформальных механизмов, которые мы используем для внедрения этих ограничений" [10, с. 14].

Если экономика – отражение человеческих страстей, то возникает вопрос: возможно ли руководить экономикой через управление ими и обеспечить долговременное (а лучше – вечное) экономическое процветание и социальную гармонию? Кампанелла, Фурье, Оуэн, Маркс, Ленин и другие мечтали об этом и даже экспериментировали, но из этого ничего не вышло. Понятно, что чем больше свободы в обществе, тем шире палитра страстей, тем более непредсказуемым является общество. "Счастливая, упорядоченная жизнь" может быть обеспечена диктатурой, но она будет бедной. Такой стране не хватает мотиваций к эффективному труду, к инновациям. Поэтому в таком обществе рано или поздно наступает кризис, предопределенный доминантой человеческой природы – стремлением к личной свободе. Свобода и индивидуализм периодически разрушают любые институциональные структуры, которые существуют в любой стране, и выстраивают другие.

Л. Мизес заметил: “Праздное занятие – рассуждать, как должен быть устроен мир и почему он не таков, каким должен быть, а повинуетя неумолимым законам реального мироздания” [11, с. 186]. Но проблема заключается в том, что люди по своей сути не только “рассуждают”, они свои идеи пытаются воплотить. К тому же, в силу фундаментальной неопределенности “мироздания” (а не только рынка) и разного толкования сущностных законов общественной жизни, “воплощение” не всегда вписывается в ее естественную гармонию.

Есть разные подходы к регулированию экономической деятельности людей (неоклассические, неолиберальные, неокейнсианские, бихевиористические и др.), и у каждого из этих подходов – “своя правда”. Люди пытаются моделировать и прогнозировать экономические и социальные процессы и втиснуть их в “прокрустово ложе” своих взглядов и идеологий.

Что касается прогнозирования, то фактически в большинстве случаев оно носит нормативный характер и в сущности показывает, что бы мы хотели видеть в будущем. Это вытекает из того, что содержание и развитие экономической науки через ее выводы тесно связаны с интересами и идеологиями, утвердившимися в обществе. Еще Гегель говорил, что наши представления правят миром. И не важно, подтверждена теория эмпирическими данными или нет, она все равно будет принята или отброшена в зависимости от того, как она отвечает интересам господствующих групп. При таких условиях критерием истинности теории становится ее соответствие не фактам, а интересам и идеологии, господствующим в обществе. Более того, на выводы теории всегда влияют политические убеждения ее авторов. Поэтому в контексте сказанного любая экономическая теория (модель, прогноз) всегда является неопределенной с позиций истины, которая у каждого своя. Кстати, книга П. Кругмана подтверждает эти выводы, поскольку ей присуща полемика не только экономического, но и политического характера, и замечу, не всегда корректная по отношению к коллегам-оппонентам.

В целом разделяя позицию Д. Норта относительно взаимосвязи институций и экономического развития, я бы хотел обратить внимание на один его тезис: “Если мы постоянно заняты созданием *нового, небывалого прежде мира* (курсив мой. – В.Ф.О.), то насколько хороша для его описания окажется наша старая теория, сделанная нами на основе накопленного опыта?” [10, с. 27]. Меня интересует первая часть вопроса, а именно “созданием *нового, небывалого прежде мира*”, поскольку, в сущности, это является основой институциональной теории. У меня возникает вопрос: может ли человек творить “новый мир”, “новый экономический порядок”, и будет ли этот новый мир эффективным и длительным; способен ли он решить человеческие проблемы, и не создаст ли он новых? Я склонен к мысли, что любые человеческие конструкции не совершенны. Но и это не главное. Главное, что у каждого есть свое видение (модель) “нового, небывалого прежде мира”, каждый ее отстаивает, а потому борьба мировоззрений (в том числе и экономических) была и будет всегда. Борьба идей возмущает общество, что тоже является одной из важных причин кризисов.

Новый институционализм, новый прагматизм, новый бихевиоризм и другие теории регуляции социально-экономической жизни общества объединяет одно – усиление государственного вмешательства (управления, регулирования и пр.) в экономику. Например, Р. Капелюшников замечает, что апологеты поведенческой экономики “не стали замыкаться в рамках позитивного анализа,

достаточно быстро приступили к разработке нормативных рекомендаций, которые адресованы государству (в частности, и другим значительным "игрокам" – таким, как корпорации или политические партии). Нормативная программа, выросшая из идей поведенческой экономики, имеет название "нового" патернализма. Она значительно раздвинула пределы допустимого государственного вмешательства в экономическую и шире – частную жизнь людей в сравнении с тем, что была готова санкционировать традиционная неоклассическая экономика благосостояния" [12, с. 67]. В этом контексте автор вспоминает книгу ведущих бихевиористов Р. Талера и К. Санштейна "Подталкивание: как улучшить решения, которые касаются здоровья, достатка и счастья". Ключевое понятие их концепции вынесено в название книги – "подталкивание" (nudge). Иначе говоря, речь идет о "подталкивании" реальных экономических агентов к "рациональному" поведению. И далее Р. Капелюшников резонно замечает, что в этом понимании никакого разрыва упомянутой концепции с представлениями о рациональности у неоклассики и поведенческой экономики не происходит; напротив, она призывает максимально последовательно реализовывать их на практике. Автор, ссылаясь на Т. Леонарда, точку зрения которого я тоже поддерживаю, отмечает: "Ирония заключается в том, что, атакуя Номо оесопотісис как ошибочное толкование процесса выбора, патернализм предлагает его как образец, к которому надлежит стремиться людям. Или точнее – как образец того, какими бы хотели видеть людей сами патерналисты" [12, с. 84]. Добавлю – коммунисты, социалисты, институционалисты, прагматисты и другие "творцы человеческого счастья". Человечество все время ищет поводырей, которые бы наставили их на истинный путь. Но, как заметил Ф. Бэкон, те, которые ведут людей, сами совращаются с пути и увеличивают количество блужданий и блуждающих.

В сущности, мы не знаем, как работает рыночная экономика в чистом виде. Ее просто никогда не было и не будет. Ею всегда кто-то руководил, а именно – государство или похожие на него институции. Поэтому отрицать влияние государства на экономику бессмысленно, а исключать его из этой сферы – напрасное занятие. Необходимо, чтобы его влияние отражало интересы общества, а потому государство должно направляться обществом, а не наоборот. Но до этого общество должно "созреть", как это произошло, скажем, в Швеции. Что касается "оптимизации" участия государства в экономике страны, то каких-то критериев этого быть не может – все зависит от, так сказать, "институциональной истории" конкретной страны.

Что касается Украины, то состояние национальной экономики и жизни ее населения отображено в многочисленных публикациях, поэтому повторяться нет смысла. Ясно одно: мы живем не в кризисе, мы находимся в социальной и экономической прострации, мы влачим жалкое существование в посткризисном состоянии. Понятно, почему мы в нем очутились, и, в сущности, знаем, как можно из него выбраться. Но почему не выбираемся, это загадка как для мирового общества, так и, в известной мере, для нас.

По моему мнению, нам не хватает решительности, пассионарности (Л. Гумилёв). Мы люди, которым удобнее жить под крылом государства. Мы, как подтверждают многочисленные социологические исследования, склонны к патернализму. За сотни лет имперской власти мы отвыкли быть ответственными за

свои поступки и свою судьбу. Люди годами ожидают, пока государство для них построит мостик или кладку через реку, уберет мусор с улицы, отремонтирует небольшую школу или клуб. Так соберитесь вместе и сделайте это для себя. Нет! Потому что не доверяем друг другу, государству, никому, не верим даже в собственные силы и возможности. *Недоверие и подозрение заполнили наши сердца.*

Известно, что в условиях сильного стресса (катастрофы и т. п.) 10–15% людей знают, как выжить. Кризис – это тоже сильный стресс для людей, и именно 10–15% из них знают, что делать, и выживают. Именно они и составляют ядро нации, которое показывает ей путь к выходу. Есть ли у нас такие люди в достаточном количестве? К сожалению, нет. Почему? Все предыдущие эпохи уничтожали их, и не только в физическом понимании, но и в социально-нравственном. И сегодня они не развиваются, а притесняются, поскольку национальная экономика и общество еще и до сих пор находятся под непомерным давлением государства, хотя есть надежда на конструктивные изменения. Необходимо четко понимать, что главным дефицитом в стране являются не деньги, а социальный капитал, современные люди, над которыми не тяготеют оковы прошлого, которые способны к самоидентификации как украинцы, как европейцы.

К сожалению, в Украине нет элиты, которая бы взяла на себя ответственность и решительно приступила к взвешенному реформированию. Существующая элита имеет другие цели и, соответственно, другую психологию. Я полностью поддерживаю тезис Ю. Ольсевича: “Система формальных институтов (норм и правил) рынка в большой степени зависит от психологии правящей политической элиты. Если эта элита обладает равновесной психикой, то формально-рыночные институты сочетают принципы свободы предпринимательства и социальной ответственности субъектов рынка, конкуренции и регулирования. Если же психология элиты носит доминантно-индивидуалистический характер, то складывается формально-институциональная среда, открывающая широкий простор для продвижения наверх и деятельности предпринимателей и менеджеров с экстремально-индивидуалистической (хищнической) психикой” [8, с. 43]. Что и произошло, потому имеем Майдан, да еще и не один.

Экономическая жизнь Украины иррациональна. Рассмотрим этот тезис с позиции Дж. Акерлофа и Р. Шиллера, которые выделили пять проявлений иррациональности, влияющих на экономическую жизнь страны: *доверие; представление о справедливости; искушения – злоупотребление и недобросовестность; денежная иллюзия; восприятие истории* [4]. Замечу, что иррациональность экономической жизни – это путь к перманентному кризису.

Доверие – мы (граждане Украины, бизнес, государственные институции) не доверяем никому. И в этом случае выполнение контрактов как экономических, так и общественных ставится под сомнение. Бизнес не доверяет государству, государство – бизнесу, а поэтому прибегает к избыточному контролю. Банки не доверяют бизнесу и населению, поскольку они не доверяют банкам. Граждане не доверяют государству, а потому нарушают законы. Недоверие порождает неопределенность, которая, в свою очередь, продуцирует иррациональность нашего поведения в дискурсе рыночной экономики.

Справедливость – это, в первую очередь, легитимность частной собственности и ее защита. Собственность является фундаментом справедливости и свобод-

ного развития человека (Дж. Локк). Именно это дает общественный контекст справедливости как основы стабильности и определенности экономической деятельности, и не только. М. Тэтчер справедливо замечает: "Собственность имеет принципиальное значение, поскольку она приносит стабильность и уверенность. Общество, в котором есть сомнения по поводу того, кому что принадлежит, не может рассчитывать на длительное и успешное развитие" [5, с. 447].

Искушения – власть, ставшая в стране частной собственностью, порождает коррупцию. Коррупция стала системной основой общества, она порождает недоверие и уничтожает справедливость.

Иллюзия – авторы говорят о "денежной иллюзии" и связывают ее с инфляцией и дефляцией. Но в нашем обществе иллюзия имеет другую природу и связана, прежде всего, с иллюзорными надеждами на эффективность государственной власти, на то, что "она услышит каждого" и будет служить народу, на то, что она поборет коррупцию, на то, что она будет "прозрачной" в своих действиях. Народ не может до сих пор понять, что он и является властью.

Представление о действительности, или история, – "национальный сюжет" экономического и социального развития. Народ столько раз обманывали, что он не верит в модернизацию, евроинтеграцию, реформы и т. п. В течение веков наш "национальный сюжет" строился на тотальной лжи. Такая история вызывает общественную шизофрению и, как следствие, "многовекторность" поведения "элиты" и рядовых граждан, то есть его неопределенность. Тотальная лож искривила наше представление о действительности. Прибавлю к этому перечню еще и страх, порожденный неопределенностью будущего.

А теперь о мерах по оживлению национальной экономики. Остановлюсь на одной важной позиции П. Кругмана, и не только его, *о политике экономии и стимулирования спроса*. В. Гец и А. Гриценко отмечают, что "...политика экономии и рационализации, которую проводит Украина, копируя опыт Запада, дает импульсы к уменьшению совокупного спроса, сокращению занятости и росту безработицы" [13, с. 9]. Что касается национальной политики экономии, то мне кажется, что вообще-то она отсутствует, если не считать постоянного декларирования сокращения "чиновного люда" и работников бюджетных учреждений. Полагаю, что это является нужным, но не главным. Главное заключается в другом – в преодолении коррупции и казнокрадства, в рациональном использовании бюджета. Проблем здесь не перечислить, и они хорошо известны.

Тезис о возможности *стимулировать спрос через взвешенный дефицит бюджета* имеет смысл, но при определенных условиях: 1) рост заработной платы государственных служащих и работников бюджетной сферы должен быть адекватен ее росту, скажем, в промышленном производстве; 2) дефицит бюджета может дать эффект, если государство будет развивать инфраструктуру (жилищно-коммунальное хозяйство, дороги и др.) и тем самым стимулировать спрос на инвестиционные товары, то есть на продукцию отечественного машиностроения. Правда, сделать это в условиях открытой экономики трудно, нужны преференции. Целесообразно перевооружать нашу армию – это тоже стимул для роста промышленности и спроса. Кстати, РФ стимулирует спрос через развитие ОПК.

Что касается заработной платы, инфляции и банковского процента как инструмента оживления национальной экономики. Нужно считаться с тем, что в

Украине прирост доходов аккумулируется импортом. Отечественное производство является эластичным к доходам населения не в объемах предложения, а преимущественно в ценах, которые растут пропорционально спросу.

Банковские ставки обязательно должны снижаться за предел 10%. У нас они определяются не спросом, а жадностью и трусостью банкиров. Жадность – привлечь как можно больше средств населения, страх – потерять их из-за неуверенности в дебиторах и недоверия к экономической политике государства.

Что касается инфляции, то мы не знаем даже ее реального уровня. В нашем случае чем ниже он, тем лучше не только в экономическом контексте (вырастут накопления), но и в социальном – *вырастет доверие к государству*.

По какому пути развития идет Украина, и какой она может избрать? Говорят, что Украина активно строит “олигархический” капитализм или еще какой-то – определений много. Когда трудно установить содержание определенной социально-политической конструкции и вписать ее в принятую классификацию, то говорят о “национальных и исторических особенностях”, находят соответствующие объяснения. Но в любом случае капитализм, по определению, не может формировать неконкурентоспособную экономику. В Украине же создана “система”, которая далеко не адекватна “классическому” капитализму.

Национальная экспертная среда предлагает разные модели нашего развития. Например, В. Тарасевич обосновывает модель “социализированного государственного капитализма”. Он пишет: “Опыт стран второй и третьей волн модернизации свидетельствует о том, что на этапе становления и укрепления национальной независимости более успешным в экономическом и социальном отношениях является *государственный капитализм*” [14, с. 11]. Автор пытается доказать эффективность “социализированного государственного капитализма”, приводит модель, с помощью которой утверждает, что “государство является полноправным собственником вполне определенных составляющих национального продукта” [14, с. 14], эффективное использование которых способно вывести страну из затяжной рецессии. По моему мнению, наше государство не в состоянии этого сделать, поскольку для него национальный интерес – химера; доминирует частный интерес, и доказательств этому предостаточно. К тому же есть сомнение относительно эффективного использования государством своей собственности.

Государственный капитализм – всевластие бюрократии, которая, по справедливому мнению К. Маркса, “имеет в своем обладании государство...: это есть ее *частная собственность*” [15, с. 272]. И далее он отмечает, что “благодаря... противоречию между частным и общим интересом последний, в виде *государства*, принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных – как отдельных, так и совместных – интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности” [16, с. 32]. Мысль, актуальная на сегодня, и не только для Украины. К тому же государственный капитализм – это управляемая демократия, это путь к *тирании*.

Государственный капитализм может быть эффективен в течение определенного времени (скажем, трансформационного периода), но он должен быть субъективирован в эффективный, контролируемый обществом бюрократический аппарат, на что, кстати, обращают внимание В. Геец и А. Гриценко [13, с. 18]. Для Украины это очень актуальная проблема.

Для нас более приемлема модель "координируемой рыночной экономики", такой экономики, которая существует в Германии и Скандинавских странах. Безусловно, здесь есть серьезные проблемы, которые связаны, в первую очередь, с тем, что европейская рыночная либеральная экономика и ее институции не могут адекватно восприниматься нашим частично маргинальным обществом, а потому для ускорения интеграции в европейское пространство следует формировать динамичный переход страны и ее граждан в новое культурное состояние, в новое качество человеческого и социального капиталов, которые являются продуктами инновационного образа жизни – основы европейского развития.

Список использованной литературы

1. *Кругман П.* Выход из кризиса есть! ; [пер. с англ. Ю. Гольдберга]. – М. : Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2013. – 320 с.
2. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1.
3. *Фергюсон Н.* Восхождение денег. – М. : Астрель:CORPUS, 2010.
4. *Акерлоф Дж., Шиллер Р.* Spiritus Animalis: или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. – М. : ООО "Юнайтед Пресс", 2010.
5. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005.
6. *Гальчинский А.С.* Конвергентный рынок – методология перспективы // Экономика Украины. – 2014. – № 1. – С. 4–20.
7. *Фоули Д.* Математический формализм и политэкономическое содержание // Вопросы экономики. – 2012. – № 7.
8. *Ольсевич Ю.Я.* Фундаментальная неопределенность рынка и концепция современного кризиса. – М. : Институт экономики РАН, 2011.
9. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. – М. : Новости, 1992.
10. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. – М. : ГУ ВШЭ, 2010.
11. *Мизес Л.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. – М. : Катаксия, 1993.
12. *Капелюшников Р.* Поведенческая экономика и "новый" патернализм // Вопросы экономики. – 2013. – № 9. – С. 66–90.
13. *Гец В.М., Грищенко А.А.* Выход из кризиса (Размышления над актуальным в связи с прочитанным) // Экономика Украины. – 2013. – № 6. – С. 4–19.
14. *Тарасевич В.Н.* Об ориентирах и направлениях выхода из кризиса // Экономика Украины. – 2013. – № 9. – С. 4–17.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – Т. 1.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – Т. 3.

References

1. *Krugman P.* *Vykhod iz Krizisa Est'!* [End This Depression Now!]. Moscow, Azbuka Biznes, Azbuka-Attikus, 2013 [in Russian].
2. *Robbins L.* *Predmet Ekonomicheskoi Nauki* [The subject-matter of economics]. THESIS, 1993, Vol. 1, Issue 1 [in Russian].
3. *Ferguson N.* *Voskhozhdenie Deneg* [The Ascent of Money]. Moscow, Astrel: CORPUS, 2010 [in Russian].

4. Akerlof G., Shiller R. *Spiritus Animalis: ili Kak Chelovecheskaya Psikhologiya Upravlyaet Ekonomikoi i Pochemu Eto Vazhno dlya Mirovogo Kapitalizma* [Animal Spirits. How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism]. Moscow, United Press, 2010 [in Russian].
5. Thatcher M. *Iskusstvo Upravleniya Gosudarstvom. Strategii dlya Menyayushchegosya Mira* [Statecraft: Strategies for a Changing World]. Moscow, Alpina Business Books, 2005 [in Russian].
6. Hal'chinski A.S. *Convergentnyi rynek – metodologiya perspektivy* [Convergent market – the methodology of a perspective]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2014, No. 1, pp. 4–20 [in Russian].
7. Foley D. *Matematicheskii formalizm i politekonomicheskoe sodержanie* [Mathematical formalism and political-economic content]. *Voprosy Ekonomiki – Economic Questions*, 2012, No. 7 [in Russian].
8. Olsevich Yu.Ya. *Fundamental'naya Neopredelennost' Rynka i Kontsepsiya Sovremennogo Krizisa* [Market Fundamental Uncertainty and Conception of a Modern Crisis]. Moscow, Institute of Economics of the RAS, 2011 [in Russian].
9. Hayek F. *Pagubnaya Samonadeyannost'* [The Fatal Conceit: The Errors of Socialism]. Moscow, News, 1992 [in Russian].
10. North D. *Ponimanie Protsessa Ekonomicheskikh Izmenenii* [Understanding the Process of Economic Change]. Moscow, GU VShE, 2010 [in Russian].
11. Mises L. *Byurokratiya. Zaplanirovanniy Khaos. Antikapitalisticheskaya Mental'nost'* [Bureaucracy. Planned Chaos. Anti-Capitalist Mentality]. Moscow, Katalaksiya, 1993 [in Russian].
12. Kapelyushnikov R. *Povedencheskaya ekonomika i "novyi" paternalizm* [Behavioral economy and "new" paternalism]. *Voprosy Ekonomiki – Economic Questions*, 2013, No. 9, pp. 66–90 [in Russian].
13. Heets V.M., Gritsenko A.A. *Vyход iz krizisa (Razmyshleniya nad aktual'nym v svyazi s pročitannym)* [The way out from a crisis (Reflections about actual things after the reading)]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2013, No. 6, pp. 4–19 [in Russian].
14. Tarasevich V.N. *Ob orientirakh i napravleniyakh vyyhoda iz krizisa* [On the reference points and directions of the exit from a crisis]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2013, No 9, pp. 4–17 [in Russian].
15. Marx K., Engels F. *K kritike gegelevskoi filosofii prava* [To criticism of gegel philosophy of law]. Vol. 1. Moscow, Politizdat, 1955 [in Russian].
16. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. Vol. 3. Moscow, Politizdat, 1955 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2013 г.
и была обновлена 5 мая 2014 г.
